

произведению.

Теперь может стать ясным, как определить предмет даруемой части. Ибо, если предметом всего произведения с точки зрения буквы является «состояние душ после смерти, не определенное, а общее», делается очевидным, что предмет этой части есть некое состояние, но уже определенное, то есть «состояние блаженных душ после смерти». И коль скоро предметом всего произведения с точки зрения аллегорического смысла является человек, то, как – в зависимости от себя самого и своих поступков – он удостоивается справедливой награды или подвергается заслуженной каре, становится очевидным, что предмет этой части – определенный, а именно человек и то, как он заслуженно удостоивается справедливой награды.

То же самое следует сказать о форме части по отношению к форме целого. Таким образом, если все произведение делится на три части, в данной части имеются два вида деления – деление самой части и деление песней. Причем собственная ее форма делает невозможным для нее деление на три части, ибо эта часть сама является частью такого деления.

То же относится и к заглавию книги: коль скоро заглавие всего произведения – «Начинается „Комедия“...» и так далее, согласно сказанному выше, заглавие этой части будет следующим: «Начинается часть третья „Комедии“ Данте...» – и так далее, название которой «Рай».

Установив эти три вещи, которыми часть отличается от целого, рассмотрим остальные три, которыми она несколько не отличается от целого. Лицо, ведущее повествование и там и тут, – одно, мною уже упомянутое, что совершенно очевидно.

Цель целого и части может быть многообразна, то есть быть близкой или далекой. Но, оставив всякие тонкости изысканий, нужно кратко сказать, что цель целого и части – вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья.

Род философии, являющийся исходным для целого и для части, – моральное, или же этическое, действие, ибо целое задумано не ради созерцания, а ради действия. И хотя в некоторых местах или отрывках повествование носит характер созерцательный, это происходит благодаря действию, а не созерцанию, ибо, как говорит Философ во второй книге «Метафизики», «практики иной раз одновременно созерцают вещи в их различных отношениях».

Рассмотрев предварительно эти вопросы, следует перейти, после того как мы уже частично затронули его, к вопросу о буквальности; но необходимо отметить сначала, что вопрос о буквальности есть не что иное, как проявление формы произведения. Данная часть, или часть третья, названная «Раем», делится главным образом на две части, а именно на пролог и на осуществление замысла. Вторая часть начинается со следующих слов: «Встает для смертных разными вратами...»

О первой части нужно знать, что, хотя по общепринятому суждению она может называться вступлением, тем не менее ее должно называть не иначе как прологом в собственном смысле слова, о чем как будто говорит философ в третьей книге «Риторики», в том месте, где он утверждает, что «введение есть начало в риторической речи, как пролог – в поэзии и прелюдия – в музыке». Следует также отметить, что пролог, который вообще может называться вступлением, строится поэтами иначе, нежели риториками. В самом деле, риторы обычно начинали с того, что помогало бы им овладеть душой слушателя. Поэты поступают так же, но прибавляют к введению еще какой-либо призыв. Это нужно им, ибо, прибегнув к великой мольбе, они должны вдобавок к общечеловеческому призыву испросить у высших субстанций почти Божественный дар. Таким образом, данный пролог распадается на две части: первая предуведомляет, о чем пойдет речь, вторая содержит призыв к Аполлону и начинается словами: «О Аполлон, последний труд свершая...»

Относительно первой части надлежит отметить, что, дабы как следует начать, нужны три вещи, о которых говорит Туллий в «Новой риторике», а именно: необходимо заручиться благосклонностью, вниманием и послушанием читателя; это особенно важно, по мнению того же Туллия, для сюжета, носящего удивительный характер. И коль скоро материал, лежащий в основе данного сочинения, удивителен по своему характеру, чтобы добиться этих трех моментов, следует стараться с самого начала вступления или пролога поразить читателя. Автор говорит, что речь пойдет о том, что он сумел запомнить из виденного им на первом небе. Эти слова несут в себе все три названные вещи, ибо полезность того, о чем будет говориться, порождает благосклонность, удивительный характер повествования – внимание, его вероятность – жажду знать. Полезность явствует из слов автора о том, что он желает говорить о вещах, которые приятностью